

Поздравляем!

Пенсионеров ЦЭС – Веру Ивановну РАДКЕВИЧ, Анатолия Кузьмича ШВЕДОВА, Фирдаус Ибраевну САРАПКИНУ, Лидию Александровну ПЕРЕЖОГИНУ, Галину Александровну ШТАЕВУ, Валерия Владимировича ТРЕЩЕНКО, Матвея Ивановича ФОМИНА, Римму Васильевну ФЕДОТОВУ, Александру Ивановича МИШИНА, Раису Романовну ФИЛАТОВУ – с днем рождения!

Желаем долгих лет жизни, крепкого здоровья, семейного благополучия и всех благ.

Администрация, профком и совет ветеранов ЦЭС

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Владимира Васильевича АДНИЦЕВА, Анатолия Михайловича КОФЕЙНИКОВА, Юрия Александровича КОСТИНА, Николая Анатольевича КОЗОРЕЗ, Ивана Семеновича НЕМЦОВА, Анатолия Петровича ПОДОВАЛОВА, Николая Николаевича САНДЫРЕВА, Владимира Михайловича ЦЕРБА – с днем рождения!

Желаем крепкого здоровья, успехов в делах, семейной теплоты и благополучия, бодрого настроения.

Администрация, профком и совет ветеранов локомотивного цеха

Поздравляем!

Бывших работников предприятия, ветеранов – Абдуллу Хамматовича ДАВЛЕТШИНА, Людмилу Андреевну ДРОБИЧ, Ивана Александровича ЖОХОВА, Лидию Николаевну ЗАХАРОВУ, Сергея Федотовича ЗАХАРЧЕНКО, Габдулбара Ахатовича ИСМАГИЛОВА, Владислава Писифовича КАРАЧУНА, Михаила Федоровича КЕШИНА, Лидию Карповну КИСЕЛЕВУ, Марию Петровну КИУШКИНУ, Величату Ивановну КОРЫГИНУ, Праксью Ивановну КОСНИЦКУЮ, Анатолия Исаевича КРИКОВА, Серафиму Сергеевну КУЗНЕЦОВУ, Владимира Дмитриевича КУЗЮ,

Александра Петровича КУРБАЧЕВСКОГО, Галину Ивановну ЛЮКШИНУ, Наталью Георгиевну ЛЯШИНУ, Фанну Шарифутдиновну МАННАНОВУ, Нишу Анатольевну МАНСОРОВУ, Надежду Михайловну МИНИКОВУ, Юрия Александровича МОРГУНОВА – с юбилеем!

Желаем именинникам крепкого здоровья, бодрости духа и благополучия еще на многие годы!

Администрация, профком и совет ветеранов ОАО «Метизно-калбровочный завод «ММК-МЕИЗ»

Человек с большой стройки

Жизнь Авраамия Завенягина – яркий пример преданности долгу и делу

Окончание.
Начало – в предыдущем номере «ММ»

Но уже в марте 1938-го новый нарком Лазарь Каганович устраивает Завенягину проверку на охлостность, потребовав завизировать от имени наркомата согласие на арест академика Губкина по обвинению в разбазаривании государственных средств. Авраамий Павлович отреагировал нестандартно: он, нарушив субординацию, позвонил по телефону Сталину и заступился за своего учителя. Губкина оставили в покое, но Каганович своему заместителю демарша не простил: «Дела сдать, на работу можете больше не выходить».

В течение недели Завенягин с женой каждую ночь ждали ареста, потом Авраамию Павловичу это надоело, и 22 марта 1938 года он написал письма Сталину и Молотову: «Вот уже неделя, как я сижу дома в ожидании решения вопроса о моей дальнейшей судьбе. Не буду говорить о том, насколько это тяжело. Если возможно, прошу ускорить решение. Я был бы рад работать в самых тяжелых условиях, а с интересом бы поработал в условиях Севера или Сибири многие годы».

Пожоже, это письмо строилось на точном расчете. Ведь по должности Завенягин не мог не знать, что проверка НКВД, проведенная в августе 1937 года, выявила катастрофическое положение дел на строительстве Норильского комбината: «...Деревообделочные и металлорежущие станки изъятые из ящиков и стоят под открытым небом, – отмечалось в отчете проверяющих. – Ценные грузы и механизмы хранятся вместе с кучей железного лома. Импортное оборудование обогатительной фабрики хранится в ящиках, которые не покрыты брезентом или наветсом; в шели ящиков проникает дождевая вода. Ряд машин просто невозможно будет собрать из-за отсутствия деталей, которые при таком хранении будут утрачены или испорчены».

Видимо, Завенягин был уверен, что, кроме него, исправить ситуацию в Норильске просто никому (свои профессиональные и организаторские способности он оценивал без ложной скромности – его любимым изречением были слова поэта Баратынского: «Дарование есть поручение, и должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия»). Расчет оправдался – через несколько дней после отправки письма его вызвали на заседание Политбюро, где Молотов объявил: «Мы решили вас не добивать. Поедете в Норильск, проявите себя на новой работе».

8 апреля 1938 года нарком внутренних дел Николай Ежов подписал приказ № 840: «Начальником строительства Норильского комбината назначить Завенягина А. П.» Так Авраамий Павлович поменял не только место работы, но и «ведомственную принадлежность» – с этого дня и до смерти он будет носить форму чекиста.

Перед отъездом в Норильск у Завенягина был тяжелый разговор с семьей. Жена и четырнадцатилетнего сына Юлия он предупредил, что «если дела пойдут плохо», их могут арестовать и отправить в лагерь. Обращаясь к десятилетней дочери, добавил: «Я не хочу пугать тебя, Маша, но тебя в этом случае заберут в интернат. Ты должна быть готова к такому повороту событий. Впрочем, я надеюсь на лучшее и верю, что все еще у нас будет хорошо».

Здесь все должно быть по-другому

В Норильск, точнее, в лагерный поселок Норильск, он же Норильлаг, Завенягин приехал 27 апреля, и увиденное превзошло его худшие ожидания. «Люди размещены в крайней тесноте, в обветшалых палатках и фанерных бараках. Процветает спекуляция табаком и сахаром. Рельсовый путь уложен прямо на мх. По работкам института Союзникельоловопроект (СНОП) нельзя строить ни одного объекта. Проектом города СНОП не занимался вообще. Направление шлолне задано неправильно, экспертиза Главстройпрома этот проект отвергла. К изучению металлургической плавки руд и концентратов не приступали... Оборудование обогатительной фабрики хранится под открытым небом, в хаотическом состоянии, частью в развалившейся таре, частью совершенно без тары. Проверки комплектности оборудования не производилось...» – написал Завенягин в акте приемки дел норильского строительства. Но при этом одним из первых его распоряжений станет приказ о строительстве к 1 сентября школы для норильских детей. Приказ был выполнен.

Другое распоряжение из числа первоочередных – о строительстве нового временного причала в Дудинке, поскольку снабжение было одной из главных проблем Норильска. Однако здесь добиться успеха не удалось: причал построили второпях, с нарушением элементарных строительных требований, и он «поплыл». Завенягин отреагировал жестко, отдав под суд прораба Юшкова и начальника Дудинского стройучастка Полозова. Правда, сам же в последний момент заменил расстрельное обвинение «вредительство» на «халатность», подарив обоим шанс на выживание.

На шестой день пребывания в Норильске Завенягин издал приказ о немедленной организации опытного металлургического завода. Дело в том, что Норильский комбинат первоначально рассматривался правительством как сырьевой придаток уже действующего никелевого предприятия: в Норильске планировалось добывать руду и в примитивных плавильных печах получать черновой металл – финштейн, а уже его вывозить на Урал и доводить до ума на электротехнических мощностях Южуралникеля и Уфалейникеля.

У Авраамия Завенягина было на этот счет другое мнение – он стал проводить проект металлургического комбината полного цикла. Но чтобы добиться поддержки правительства, необходимо было продемонстрировать Москве реальный результат – никель Норильска. Эту задачу должна была решить двадцативосьмилетняя Ольга Лукашевич, которую Завенягин назначил начальницей опытно-металлургического цеха. «В нашем большом первом разговоре с Завенягиным я ему заметила, что в норильских рудах так много ценного, что нужна комплексная технология, – вспоминала Ольга Николаевна через много лет. – Он согласился, но сказал: «Не сейчас, в последующие годы. А сейчас необходимо весомо обобщать проект большого металлургического завода для получения меди и никеля, а не финштейна. В Москве должны руками пощупать норильские металлы хоть в малых дозах. После займетесь кобальтом, платиноидами и другими. Ваш цех будет центром всех исследований, по всем вопросам – всех предприятий Норильска – это в будущем». Трудно ему было с Москвой».

У Ольги Лукашевич сразу же возник вопрос о кадрах для будущего цеха. «На рабочие места берите из уголовников, но не все стабы можно, – ответил Завенягин. – На инженерные должности подбирайте сами из тех, у кого пятьдесят восьмая статья. Мой совет: забудьте, что это заключенные, враги и так далее. Вам нужны знающие люди, умные, опытные, вот и подбирайте».

Через полгода Лукашевич принесла ему первый слиток норильского никеля – размером с портсигар. «Весь никель Норильского комбината помещается в одном женском кармашке», – пошутил Завенягин. А вскоре на одном из совещаний, где обсуждались перспективы развития комбината, он заявил: «В дальнейшем нам предстоит расширить производство никеля до 120–150 тысяч тонн в год. Нашей стране, может быть, столько и не понадобится, но тогда представится возможность выйти на мировой рынок с этим стратегическим металлом...»

Пока же Авраамий Павлович опять принялся строить город, в котором рудный будет чувствовать себя хозяином страны. «Нам надо найти человека, который смог бы создать проект города-красавца, – заявил он руководителю проектной конторы Норильского комбината Александру Шаройко. – Когда мы строили Магнитогорск, то находились еще в плену представлений эпохи первой пятилетки. Здесь, в Заполярье, нельзя строить обычный город из стандартных домов. Здесь все должно быть по-другому. Зеленью Норильск не украсить, значит, надо украшать его современными жилыми ансамблями. В домах нужно создать все удобства, чтобы ванная была в каждой квартире. Человек, приходя с работы, должен попадать в самые благоприятные условия быта. Пусть у него будет уютное жилище, горячая вода, электричество, хорошая пища. Красота Ленинграда признана всем миром, значит, нам надо искать ленинградца. Норильск должен проектировать художник, воспитанный на красоте ленинградских ансамблей...»

Летом 1939 года на Таймыр по личному приглашению Завенягина приехали из Ленинграда два архитектора – Лидия Миненко и Витольд Непоклаичский.

Стиль работы Завенягина вызывал неизменное раздражение «органов». «Хочу прямо заявить: режима в лагере нет, – возмутился представитель местного управления НКВД на заседании партийно-хозяйственного актива Норильска в августе 1940 года. – Это не режим, это самообман, когда зона влотною подведена к домам и все построение лагеря таково, что обеспечивает стопроцентную связь с вольнонаемным составом. Есть заключенные, которые живут на вольных квартирах. Тут не разберешь, кто идет, и подчас наши работники плутают, кто заключенный, кто вольнонаемный. Если товарищ Завенягин будет утверждать, что у него есть режим, он ошибается. У вас не лагерь, а курорт для з/к. Мы проверяли некоторые цеха: выполнение плана по месяцам и выполнение норм питания... Выходит, что по питанию на 100 процентов прокормили з/к, а план вы исполнен на 60 процентов. Мы здесь перекармливаем врагов, тратя громадные суммы денег для разной сволочи. Магазины для заключенных, работающих стхановскими методами, ничем не отличаются от общего магазина, где выдают некоторые продукты – сахар, масло – без нормы...»

Своеобразным ответом Завенягина на эти обвинения стало выступление по лагерному радио 7 ноября 1940 года. «Не исключаю, что многие из вас не заслуживают наказания, – заявил Авраамий Павлович. – Возможно, степень вины вашей преувеличена. Придет время, в таких случаях перед вами извинятся. Но это не означает, что в ожидании светлого дня вы имеете право сидеть сложа руки и бездельничать, зная, как в ваших знаниях и опыте нуждается страна. Чьи-то ошибки будут разоблачены и доказаны, а обижаться на всех и вся, на советскую власть было бы неправильно».

Через полгода, в марте 1941-го, Завенягин был назначен заместителем наркома внутренних дел с присвоением ему звания генерала НКВД. В его ведении находились основные строительные структуры НКВД, а следовательно, все промышленное строительство в северных и дальневосточных районах Советского Союза. Ведь у других организаций просто не было воз-

можностей для масштабной работы на окраинах страны. Только НКВД, используя разветвленную сеть лагерей, огромные армии бесплатной рабочей силы и мощный административно-карательный ресурс, мог обеспечить функционирование промышленных предприятий и строен на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Главный по урану

Летом 1942 года агент советской разведки в Лондоне Джон Кернхросс сообщил об англо-американском проекте «Трубные славы» – этим кодовым наименованием обозначалась программа создания атомной бомбы (правда, потом американцы, уже без англичан, начали свой собственный «Манхэттенский проект»). Шифровка из Лондона дала старт советской атомной программе. 28 сентября 1942 года вышло распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану». Тогда же определилась главная проблема – в СССР практически не было урана. Единственный в стране экспериментальный Табашарский завод в Таджикистане, пущенный в 1935 году, потребности атомного проекта удовлетворить заводом не мог. При этом геологическая служба страны располагала самыми скудными сведениями о месторождениях урановых руд в СССР. А ведь предстояло не только найти эти месторождения, но и научиться получать металлический уран. Решение этих задач Сталин возложил на своего лучшего специалиста по строительству горно-металлургических комбинатов – Авраамия Завенягина.

В 1943 году в системе Главного управления лагерей НКВД было организовано специальное (девятое) управление, руководителем которого стал Авраамий Павлович. На «девятку» были возложены задачи разведки урановых месторождений, добычи и переработки урановых руд, строительства и эксплуатации рудников, обогатительных фабрик, заводов по переработке урановых руд и концентратов, а также разработки технологии получения из них металлического урана.

Уже к концу года поиски урана в Средней Азии, Казахстане, Сибири, на Дальнем Востоке, Алтае, Кавказе, Урале вело около 320 геологических партий, подчиненных НКВД. На Табашарском месторождении началось строительство четырех новых рудников и двух опытных металлургических заводов. Результаты работы завенягинского управления в августе 1945 года зафиксировал Игорь Курчатов в отчете Сталину: «В последнее время геологоразведкой уран обнаружен в сланцах Эстонской ССР и Ленинградской области, в Норильске... В настоящее время разведанные запасы урана в СССР по всем категориям составляют 300 тонн».

Завенягин в это время уже занимался организацией строительства Восточного горно-обогатительного комбината (в Желтых Водах на Украине), добычи урана на Исык-Кульских месторождениях, производства урана из криворожских железных руд. «Благодаря Завенягину, исключительно деловому и талантливому организатору, освоение атомного сырья пошло бешеными темпами», – вспоминал позже заведующий урановым сектором Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС) Михаил Альтгаузен.

Теперь нужно было решать следующую задачу – наладить производство металлического урана. Первый слиток, около килограмма весом, был получен в декабре 1944 года в Государственном институте редких метал-

лов, который фактически подчинялся Завенягину. Для промышленного производства радиоактивного металла было решено перепрофилировать Норильский завод № 12 Наркомата боеприпасов (сегодня – Электростальский машиностроительный завод). При этом правительство разрешило производить запланированные строительно-монтажные работы без рабочих чертежей, руководствуясь эскизами и указаниями проектантов на месте, но под личную ответственность Завенягина. К концу 1945 года завод выпустил первые 137 килограммов металлического урана. Можно было приступать к строительству первого отечественного атомного реактора.

Завенягин тем временем «между делом» спасает из ГУЛАГа группу специалистов. В начале 1946 года он направляет Сталину и Берии письмо с просьбой разрешить «для форсирования работ по продуктам атомного распада привлечение специалистов-заключенных Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. А. Вознесенского, С. Р. Царпкина, Я. М. Фишмана, Б. В. Киряна и других». Отец советской генетики Николай Тимофеев-Ресовский, который к моменту перевода из лагеря в Челябинск-70 (Снежинск) был на грани смерти от голода, позже так описывал работу под началом Завенягина: «Жили мы как у Христа за пазухой. Прекрасная лаборатория. Прекрасный санаторий...» В секретном Челябинске-70 Завенягин опять пытается строить город своей мечты: коттеджи для специалистов, а для рядовых работников – нормальные дома вместо бараков, а еще баня, ясли, детский сад, школа... И параллельно курирует проектирование и строительство завода № 814 (Свердловск-45) для магнитного разделения изотопов урана; комбината № 815 (Красноярск-26), где строится самый мощный реактор дляработки оружейного плутония; комбината № 816 (Томск-7), где планируется производство высокообогащенного урана и оружейного плутония.

В июне 1948 года на Урале, в Челябинске-40 (Озерск), заработал первый промышленный атомный реактор. Однако уже к концу года обнаружилась проблема – из-за активной коррозии началось разрушение труб, охлаждающих реактор, и расплавление алюминиевых стенок технологических каналов. Курчатов сообщил о проблеме в Москву, Берии, тот распорядился: «Реактор не останавливать, к вам вылетает Завенягин».

Картина, открывшаяся Завенягину, была ясной: забившую канал пробку из расплавленного алюминия необходимо высверливать. Понятно и то, что при этом обучения рабочих не избежать, тем более что реактор не заглушен. Но выбора нет. Поэтому генерал НКВД Завенягин берет стул, ставит его в нескольких шагах от работающего реактора и усаживается, готовясь наблюдать за работой. Рядом с ним устраивается генерал-майор инженерной службы Борис Музруков, директор Озерского комбината (сейчас – ПО «Маяк»).

Психологический расчет оказывается точным: рабочие, видя, что генерал сидит рядом, приступили к работе. Главный дозиметрист объекта Борис Дубовский дозиметристом генералов отойти подальше от активной зоны, но услышал в ответ: «Видишь, как люди работают в самом пекле. Нечего на нас навешивать дозиметры, нечего заниматься ерундой...» На следующий день Завенягин с Муз-

руковым опять находились на том же месте. Дубовский попросил генералов хотя бы не сидеть рядом с реактором в повседневной одежде. «Ничего со мной не случится», – ответил Завенягин. Не выдержав, главный дозиметрист пожаловался на непослушных генералов самому Курчатову: «Какой пример они подают рабочим!» Игорь Васильевич решил использовать против нарушителей тяжелую артиллерию: он предоставил дозиметристу свою служебную машину и приказал сделать замер радиоактивного фона в квартире Музрукова. Уровень радиоактивности превышал норму в десятки раз. Дубовский показывал супруге директора комбината на зашкаливающий счетчик и приговаривал: «Все потому, что не переодевается Борис Глебович, в личной одежде и обуви заходит прямо на «пятачок».

Разгневанная женщина попросила отвезти ее сюда минутой туда, где находился в этот момент ее супруг. Курчатов приказал пропустить ее в здание и проводить прямо в центральный зал, где она и устроила непослушным генералам грандиозную выволочку. На следующий день Музруков и Завенягин сидели около реактора как положено: сверху шинелей накинуты халаты, на сапогах – валенки.

Злополучный канал рассверливали шесть дней, все это время Авраамий Павлович сидел рядом с работающим реактором и только после полной ликвидации аварии вернулся в Москву.

Потом в жизни Завенягина были и первый плутоний, и первая атомная бомба, и первый в мире энергетический атомный реактор. И начало строительства первого в мире атомного ледокола. А еще Завенягина было приступить к строительству первого отечественного атомного реактора.

Умер Авраамий Павлович в последний день 1956 года. По официальной версии – от сердечного приступа, по неофициальной – от лучевой болезни. Через несколько дней его жена Вера получила письмо.

Заканное. Супруге А. П. Завенягина

Обратный адрес: Алтайский край, Алейский р-н. Уржумский с/с, деревня Крутиха, колхоз им. Чакалова. Рудольф Ольга Александровна.

Надпись обложки: «Прошу почту обязательно доставить это письмо».

«Товарищ Завенягина, мы с моим сыном услышали по радио, что супруг Ваш, Авраамий Павлович Завенягин, умер. Сын мой и я горько плакали, плакали так, как плачут о самых дорогих и милых сердцу родных. Мой единственный сын Лев Константинович Рудольф отбыл в 10 лет срока и одиннадцатый год по особому распоряжению» в г. Норильске от 1939 г. до 1947 г., где был начальником комбината Авраамий Павлович в то время. Ваш муж Авраамий Павлович спасал тысячи заключенных, он чувствовал человеческие сердца, он знал и отличал хороших людей среди измученных людей, он взятел так на измученного, истерзанного человека, что человек забывал свое горе, принимался работать и верить в то, что вернется домой. Авраамий Павлович внушал эту светлую веру многим, и моему сыну тоже. Только благодаря Вашему мужу жив и вернулся мой Лев. Ужамлюю Вас, моя родная, пришлите нам в колхоз фотографию Авраамия Павловича. Авраамий Павлович жил для людей, для него не было почетных и отверженных, были просто люди. Мы не писали никогда Авраамию Павловичу, боялись затруднять его и, может быть, боялись, что он подумает: что же я еще не сделала? А сейчас, когда Ваш муж умер, мы говорим Вам, что любил Васшего супруга и будем хранить прекрасный образ его до конца дней своих. Мы ждем фотографию Авраамия Павловича. Мы будем смотреть на своего спасителя, а я, 70-летняя старуха, посмотрю на него так, как на портрет моего старшего умершего сына. Я очень хочу, чтобы это письмо дошло до Вас, чтобы Вы знали, что на свете есть люди, благословляющие память дорогого Авраамия Павловича и любящие его и все, что касается его.

Простите за письмо матери, но у Вас есть дети, и Вы поймете меня. Любящая Вас и благодарная Ольга Рудольф и ее сын Лев.

Простите. Спасибо, спасибо! © МАКСИМ РУБЧЕНКО, журнал «Эксперт»

Истина живет только в открытой душе, и авторитет – только в чистых устах. Жорж САНД